

УДК 821.161.1.09

О ПРОРОЧЕСТВАХ А. С. ПУШКИНА

Ю. М. Никишов

Тверской государственной университет
кафедра истории русской литературы

Поэты любят мечтать. Им нетрудно заглянуть за черту настоящего. Предсказанное иногда сбывается. Тогда предсказанное становится пророчеством.

Ключевые слова: *А. С. Пушкин, мечты, желания, пророчества.*

Жить и не пытаться заглянуть за черту видимого настоящего практически невозможно, для поэта – особенно, поскольку для него привычно воображаемое делать переживаемым. У Пушкина есть все, наблюдается и взгляд в будущее.

Формы переживаний, опережающих событие, разнообразны. Вступавший на стезю поэзии Пушкин провозглашал: «Фантазия, тобою / Одной я награжден...» («К сестре», 1814 [3, с. 39]).

Платя щедрую дань фантазии, поэт умеет смирять необузданные желания: «Я желал бы... да ногою / Моря не перешагнуть...» («К Наталье», 1813 [3, с. 11]). Ему просторно и в мире реальном. Нормальное состояние поэта – мечтательность. Мечты – нечто пограничное по отношению к предсказаниям. Мечты строятся на желаниях. Желания опираются на личный опыт. А на что опереться устремлению в будущее? Есть опыт истории, есть опыт предшествующих поколений.

Я хочу представить широкую россыпь прогнозов, имеющих пророческий характер. Выбираю только те, которые опираются на реалии действительности (с которыми в процессе творчества в иных случаях воображение художника ничуть не обязано считаться) и поверяются критерием практики.

Вот совершенно загадочное предвкусение грядущего:

Пора и мне... пируйте, о друзья!

Предчувствую отрадное свиданье;

Запомните ж поэта предсказанье:

Промчится год, и с вами снова я,

Исполнится завет моих мечтаний;

Промчится год, и я явлюся к вам!

О, сколько слез и сколько восклицаний,

И сколько чаш, подъятых к небесам!

19 октября [4, с. 247].

Это написано опальным поэтом в октябре 1825 года. 8 сентября 1826 года Пушкин получил свободу. Перед нами самое удивительное пушкинское пророчество, сбывшееся и по факту, и по срокам. Прозорливость поэта для нас остается таинственной: на чем основана такая уверенность и определенность пушкинского «предсказанья»? Конечно, нам остались неизвестными многие подробности встречи Пушкина с Пушным. Можно было бы предполагать расчет на перемену власти, но как тогда объяснить, что в текст послания (в обстановке вроде бы спокойной, не

сулящей неожиданных, притом значительных событий) поэт включает небесспорный меж вольнодумцев тост за царя – и не абстрактно за того, кто будет занимать трон, а за того, кто взял Париж и основал Лицей (и кому до самой смерти тостируемого «подсвистывал» поэт)? Тут нам не выкарабкаться из тумана гипотез. Остается только подивиться непреклонной настойчивости пушкинского уверения.

Разумеется, угадать все детали предстоящей встречи было невозможно. Радость встречи омрачило трагическое 14 декабря. Неожиданно напиталась дополнительной горечью констатация: «Увы, наш круг час от часу редет...» [4, с. 247].

Еще одно в точности сбывшееся предсказание – и горько, что оно сбылось. Послание лицеистам 1831 года, – может быть, самое печальное в этом цикле. Стихи пронизывает печаль утрат; ее усугубляет свежая рана, кончина Дельвига. Ситуацию поэт применяет к себе: «И мнится, очередь за мной, / Зовет меня мой Дельвиг милый...» [6, с. 215]. Это предсказание особого рода. Тут нет рациональных обоснований, оно дается по интуиции, наугад. Увы, поэт не ошибся, угадал.

А вот предсказание, сбывшееся только за чертой пушкинской жизни. Послание к сибирским узникам (1827) хватило бы, для поддержания духовной стойкости пострадавших друзей, уверения: «Не пропадет ваш скорбный труд / И дум высокое стремленье».

Это было бы сродни личному посланию к Пушкину с надеждой озарить заточенье «лучом лицейских ясных дней». Пушкин удостоверил, что такой цели послание друга достигло вполне: «Отрадно отозвался во мне голос Пушкина!» [1, с. 105]. Но в послании «Во глубине сибирских руд...» поэт дополняет духоподъемное уверение прямым обещанием: «Оковы тяжкие падут, / Темницы рухнут – и свобода / Вас примет радостно у входа, / И братья меч вам отдадут» [5, с. 7].

Содержательно пророчество концовки отчетливое, внятное: освобождение пострадавших. Но открытым остается вопрос, как произойдет это освобождение. Делался выбор из двух версий: случится новая (и на этот раз победоносная) революция – или царь объявит мятежникам амнистию.

Я решительно предпочитаю вторую версию: надежду на милосердие царя Пушкин еще в период следствия по делу декабристов высказывает в письмах к Дельвигу и Вяземскому, потом в «Стансах» (1826), сохранит ее и в последующие годы, а в «Памятнике» (1836) заступничество за декабристов включит в число своих заслуг перед потомством: «И милость к падшим призывал» [5, с. 340]. Обещание поэта было рискованным, потому что оно проверяемое (дождутся ли выполнения обещанного адресаты), а выполнение от воли обещающего не зависит. По существу, Пушкин материализует свое страстное желание и надеется на милосердие царя.

Надежда не осуществилась – ни при жизни Пушкина, ни вообще в протяженное царствование палача декабристов. Можно ли винить поэта за упование на несбывшуюся надежду? Он сделал все, что мог, подталкивая царя к милосердному акту. Надежда – «несчастью верная сестра», поэт воспринимал ее весьма реальной. Пушкин обманул каторжников не больше, чем самого себя.

Первая версия (ставка на новую революцию) выглядит настолько утопичной и нереальной, что вроде бы и говорить о ней неуместно. Мы, в отличие от современников, воспринимаем событие задним числом, и нам гадать не приходится, надо обратиться к реальным фактам. А тут определенное: фактов замысла, не говоря уже о практической подготовке нового выступления, история не предъявляет, но в творческой биографии Пушкина есть нечто, заслуживающее осмысления.

Послание «Ек. Н. Ушаковой» (1827) заканчивается неожиданным вопросом: «Вы ж вздохнете ль обо мне, / Если буду я повешен?» [5, с. 13].

Даже и еще два года спустя зловещая фраза будет повторена в послании «Е.П. Полторацкой» (1829): здесь обещана встреча, «когда не буду я повешен...» [5, с. 103]. Второе послание явно шутовское, однако и для шутки необходима какая-то реальная основа! Получается, что Пушкин не исключал повторения событий на Сенатской площади (за какую еще провинность могло быть столь суровое наказание?). Второго бунта поэт бы не пропустил – и был бы в числе зачинщиков! Реальной вероятности такого события не было. Но именно для творческого мышления Пушкина характерна такая особенность – опираться на закономерный ход событий, но учитывать и возможные варианты их, включая маловероятные, а на пределе – даже и невозможные.

Встречается различная глубина устремления в будущее: нечто должно произойти в недалеком будущем; в отдаленном будущем; в неопределенном будущем. Для поэта может быть важной – или неважной определенность срока исполнения предсказания.

В «Евгении Онегине» имеется размышление о дорогах, какими им надлежит быть, «по расчисленью философических таблиц», «лет чрез пятьсот»: тут указан, с юмором, вполне определенный, но очень отдаленный срок; волей-неволей (попробуй – проверь!) предсказание становится неопределенным. Это у Пушкина единственное в своем роде, весьма оригинальное, по современным терминам, футурологическое или «научно-фантастическое» предсказание.

Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир [6 с. 133].

Без малого двести лет спустя видно, что человечество далеко шагнуло. И мосты, в том числе уникальные, научились строить, и тоннель под Ла-Маншем прорыт (а реки – не препятствия для метро). Горы раздвигать пока накладно, но пробивать сквозь них дороги оказалось сподручно. Иногда концовку описания воспринимали как комичную – как примитивную на фоне технического могущества. Тут я поддерживаю комментарий А.А. Кунарева, где в устройстве трактиров усматривается нормальная забота о питании и отдыхе (включая ночлег) для проезжающих – в человеческих условиях; это не «конечная цель», а «знаки, как говорилось в то время, *просвещенности*, а в наше – *культуры*» [2, с. 53].

Теперь трактиры-гостиницы получили наименование «отель».

С высоты времени я вижу упущение этого описания в другом: здесь предстал монопольным один предмет описания (собственно дороги), тогда как прогресс является себя в комплексе. Кто и на чем будет ездить по шоссе нового типа? Те же прежние ямщицкие трючки? Не под новый ли транспорт меняются и дороги? Для поэта неизменно наименование «станции»: ныне таковые сохранились только на железнодорожных путях. Когда-то станции создавались как почтовые; теперь лучший вид почты – электронный. Как таковое было угадать? Поэт и не усердствует в изображении технических новинок, зато кровный гуманистический аспект не забыл.

Зачастую новые обстоятельства делают невозможным исполнение предсказания. Бывает и так, что меняются воззрения художника. Как реагирует поэт, когда

видит, что внешние и / или внутренние обстоятельства изменились – соответственно под предсказаниями теряется опора?

Прямая отмена «устаревших» пророчеств не обязательна. Но Пушкин шептается в отношении к произнесенному им слову, и мы встретим не просто корректировку, но замену прежнего намерения на противоположное – в связи с изменившимися обстоятельствами.

В начале своего активного поэтического служения поэт посетовал: «О, если б голос мой умел сердца тревожить! / Почто в груди моей горит бесплодный жар / И не дан мне судьбой Витийства грозный дар?» («Деревня», 1819 [3, с. 319]).

Но накапливается опыт, крепнет поэтический дар – логичным воспринимается усиление поэтической установки, которой на этот раз придается форма напутствия Бога: «Глаголом жги сердца людей» («Пророк» [4, с. 304]); самому слову «пророк» придается первичное значение – истолкователь воли Всевышнего. Но где исполняется непререкаемая установка? На деле сама эта установка вскоре дезавуируется: «Подите прочь – какое дело / Поэту мирному до вас! / В разврате каменейте смело: / Не оживит вас лиры глас!» («Поэт и толпа», 1828 [5, с. 86]).

А вот такое намерение поддерживается и развивается: «Ты царь: живи один» («Поэту», 1830 [5, 165]); «Зависеть от царя, зависеть от народа – / Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому / Отчета не давать, себе лишь самому / Служить и угождать...» («Из Пиндемонти», 1836 [5, с. 336]).

Причина такой метаморфозы? После 14 декабря стал суровым общественный климат, окончательно обрушилось общенациональное единство, обретенное в Отечественной войне 1812 года. Есть причина внутренняя. В своем духовно-творческом развитии Пушкин оставил далеко позади вкусы читающей публики. Он поверяет написанное собственным судом: «Ты им доволен ли, взыскательный художник?» [5, с. 165]. Отнюдь не исключено, что строки, допустим, «Медного всадника» будут жечь сердца людей. Но здесь прямая целевая установка заменена на опосредованную; речь не о содержании повествования, а только о форме его. И в «Памятнике» любезная сердцу поэта надежда, что к нему «не зарастет народная тропа», устремлена в будущее, когда обретет гордость или в ней укрепится «внук славян», а тунгус избавится от дикости, в которой «ныне» пребывает [5, с. 340].

У Пушкина нет склонности рисовать утопические картинки. Вот одно из немногих относительно развернутых описаний прогнозируемого будущего (1815):

И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный...
александру [3, с. 180].

Чаше это неразвернутая, лаконичная констатация: «Склонитесь первые главой / Под сень надежную Закона, / И станут вечной стражей трона / Народов вольность и покой» («Вольность», 1817 [3, с. 287]); «И на обломках самовластья / Напишут наши имена!» («К Чаадаеву», 1819 [3, с. 307]); «Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный...» («Деревня», 1819 [3, с. 319]).

Индивидуальные поправки к общему обыкновению могут серьезно изменить ожидаемое. Первое послание лицеистам первого выпуска Пушкин заканчивает обращением к тому из друзей (себя в этой роли поэт не видит), кто переживет былых одноклассников: «Кому ж из нас под старость день Лицея / Торжествовать придется

одному?» Этому долгожителю Пушкин не завидует! Долгожитель, полагает поэт, теряет не только друзей, но вместе с ними – идеалы своей молодости. «Несчастный друг! среди новых поколений / Докучный гость и лишний, и чужой...» [4, с. 247].

Такому прогнозу вполне соответствует судьба Вяземского, написавшего горькие строки: «Жизнь наша в старости – изношенный халат: / И совестно носить его, и жаль оставить...» Но в прогнозе, адресованном лицеистам, Пушкин ошибся. Последним из лицеистов оказался канцлер (министр иностранных дел) князь Горчаков: он до конца хорошо трудился на благо России, лишним и чужим он себя чувствовать никак не мог. Торжествовал ли он день Лицея в одиночку, я не знаю.

В произведениях об историческом прошлом встречаются предсказания задним числом. В лицейском послании «Лицинию» (1815) возглашается: «Исчезнет Рим...» «Вечный город» не исчез, но он преобразился. Понятно, что такие произведения пишутся не ради «пророчеств» (тут только форма предсказаний, а обретают ее описания давно совершившиеся события), но ради указания современникам на опыт истории: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен» [3, с. 99]. Переключка времен может давать неожиданный результат.

Элегия «Андрей Шенье» (1825) содержит пророчество героя: «И час придет... и он уж недалек: / Падешь, тиран!» [4, с. 235].

Монолог Шенье, произносимый в ночь перед казнью, сочиняет русский поэт, знающий (сохраняющий и в авторском тексте, и в примечаниях) фактографию события: Робеспьер (тиран в восприятии Шенье) пал буквально на следующий день после казни пушкинского героя. Мысли Шенье даны Пушкиным в форме предсказания. Но французский поэт пророчит тирану падение – и его гонитель повержен. Русский поэт так и подает этот эпизод в элегии – и его, Пушкина, личный гонитель неожиданно для всех скончал свой век. Такая переключка событий не прошла мимо сознания поэта. Он пишет Плетневу: «Душа! я пророк, ей-богу пророк! Я “Андрея Шенье” велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына etc...» [8, с. 151].

Это уникальный случай, когда литературное произведение обрело ранее не предполагавшееся пророческое – в личном плане – значение. Впрочем, по убеждению Пушкина, так это и должно быть: предсказанное осознается пророческим именно задним числом, после подтверждения жизнью. Об этом четко сказано в «Капитанской дочке»: «Мне приснился сон, которого не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни» [7, с. 269].

Любопытно: Пушкин с симпатией изображает профессиональных предсказателей (Финн в «Руслане и Людмиле», кудесник в «Песне о вещем Олеге»). Взлеты великих людей поэт напрямую связывает с их умением прозреть, увидеть знаки судьбы (особенно подробно под таким углом зрения представлена судьба Наполеона). А на бытовом уровне поэт категоричен: «Но жалок тот, кто всё предвидит...» (6, с. 85).

Поэту нарушать этот запрет позволено! И напоследок хочется привести пушкинское пророчество, радуясь тому, что оно разомкнуто во времени, уже получило солидное подтверждение и эстафетой будет передано потомкам: «Нет, весь я не умру – душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит...» [5, с. 340].

Список литературы

1. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1985. 542 с.

2. Кунарев А.А. О пользе стационарных тракторов (из комментариев к «Евгению Онегину») // Прошлое как сюжет: материалы Междунар. науч. конференции. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2012. С. 53–65.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука, 1977–1979. Т. 1. Стихотворения, 1813–1820. 1977. 479 с.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука, 1977–1979. Т. 2. Стихотворения, 1820–1826. 1977. 399 с.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука, 1977–1979. Т. 3. Стихотворения, 1827–1836. 1977. 495 с.
6. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука, 1977–1979. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978. 527 с.
7. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука, 1977–1979. Т. 6. Художественная проза. 1978. 575 с.
8. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука, 1977–1979. Т. 10. Письма. 1979. 711 с.

ABOUT PROPHECIES OF A. S. PUSHKIN

YU. M. Nikishov

Tver State University
the department of history Russian literature

Poets like to dream. It is not difficult for them to look beyond the edge of the present
Sometimes predictions come true. Then the predictions become a prophecy.

Key words: *A. S. Pushkin, dreams, desires, prophecies.*

Об авторе:

НИКИШОВ Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: yunik1932@mail.ru